

Вспоминая жаркий апрель 86-го...

Своими воспоминаниями об аварии на Чернобыльской атомной станции 26 апреля 1986 года и эвакуации города Припять делится Москаленко Алексей Тимофеевич, полковник милиции в отставке:

— На момент Чернобыльской аварии я служил старшим инспектором отделения вневедомственной охраны Припятского ГОВД. Так получилось, что в ночь с 25 на 26 апреля 1986 года мы с начальником ОВО капитаном милиции Тихим Николаем Антоновичем и еще с тремя коллегами проверяли несение службы своих подчиненных на объектах возле ЧАЭС. Где-то около 00.30 ночи, когда мы находились около ОРУ ЧАЭС, произошел аварийный выброс пара с 1-го реактора. Мы тогда еще пошутили, что "улетела" премия тех, кто находился на смене. Когда мы подъезжали к пожарной части по охране АЭС (была очень ясная лунная ночь), то заметили на берегу пруда охладителя двух человек, которые выгружали что-то с надвунной лодки. Не успев к ним подойти, мы услышали два глухих хлопка (на порядок тише, чем аварийный выброс пара). На нас посыпался пепел с запахом сгоревших кабелей. По радиостанции, которая находилась в нашем служебном автомобиле «Жигули», поступил сигнал «Тревога!» и сообщение, что нам надо срочно прибыть в ГОВД. Когда мы подъехали к АБК-2 и увидели, что случилось с 75-метровым 4-м энергоблоком, то и представить себе не могли масштабов аварии. Мы со старшим Киричуком В. П. и двумя задержанными браконьерами на их автомобиле отправились в медвытрезвитель (так как они были сильно пьяными), который находился в так называемом "рыжем" лесу. Сдав их дежурному, мы отправились по месту своего жительства, чтобы переодеться в служебную форму (так как были мы в "гражданке"). Когда дверь квартиры мне открыла жена Евгения, то я услышал от нее: «Ну и вонь!» Она заставила меня раздеться у порога и принять душ, а одежду мою она вынесла на балкон.

Переодевшись и прибыв в актовый зал ГОВД, мы услышали от своих коллег, что у нас слишком белые лица (хотя у нас было ощущение, что они просто горят). Начальник отдела Кучеренко В. А. только начал проводить совещание, как раздался телефонный звонок от дежурного. Оказалось, что звонили две наши сотрудницы, которые несли службу в двухэтажных метрах от 4-го блока. Они сообщили, что им плохо, нужна помощь. Я и старшина милиции Федосенко А. И. поехали к их месту несения службы. Подъезжая к АЭС, пришлось включать "дворники" в машине, так как был сплошной туман, которого 30 минут назад не было. Но сотрудник мы так и не нашли. Впоследствии оказалось, что их подобрала "скорая помощь". Где-то через месяц Иваненко Екатерина Александровна и Лузганова Клавдия Ивановна умерли в Москве в 6-й клинике...

Уже утром 26 апреля мы со своими коллегами писали пояснительные записки республиканскому КГБ

о том, что мы видели при взрыве 4-го энергоблока. В это время обыкновенные поливочные машины смывали радиоактивную пыль — в их бочки-емкости засыпалось по несколько мешков борной кислоты, которая является абсорбентом, т.е. связывающим веществом. Утром 26 апреля в Припяти на асфальте было (по данным дозиметрических служб) от 2 до 7 бэр в час, в то время как в Советском Союзе допустимой нормой для работающих на ядерных объектах тогда была доза в 5 бэр в год! А самым вредным радиоактивным элементом был изотоп йода-131, хотя и жил он всего восемь дней. При выбросе с 4-го энергоблока и при вдыхании он оседал на щитовидную железу. Город жил своей жизнью. Работали все пять школ. Школьники стояли на улице на так называемых "школьных линейках". В этот день в Припяти было шесть свадб, ходили автобусы и теплоходы на Киев, проходили поезда на Чернигов и Овруч. Ходил поезд Москва-Хмельницкий (в 400-х метрах от 4-го реактора проходили ж/д пути). Работал МРЭО ГАИ (в "рыжем" лесу), который обслуживал Чернобыльский, Иванковский, Полесский районы и город Припять. Всё было спокойно. Город готовился к 1 мая. В этот день планировалось открыть парк аттракционов и стадион, на котором должны были вручаться правительственные награды строителям и эксплуатационникам АЭС. Но утром 27 апреля по радио было объявлено о том, что в 14.00 начнется временная эвакуация жителей города. К этому времени в Чернобыль уже было подогнано почти 1200 автобусов. Также в эвакуации людей принимали участие дизель-поезда Овруч — Янов и Янов — Чернигов и теплоходы на Киев. И вот к 16.00 (т.е. за 2 часа!) весь 60-тысячный город был эвакуирован. Город, которому на момент аварии исполнилось 16 лет, город, в котором рождалось тысяча детей в год, город, где каждый десятый припятчанин ходил в детский садик, в этом городе проживало 47 национальностей. Не было никакой паники, люди были уверены, что все вернется в свое родное жилье. К каждому подъезду подходили автобусы и при наполнении сидящих мест уезжали в сторону пгт Полесское (чтобы не проезжать через "рыжий" лес). Люди садились в автобусы в халатах, трико, ну прям как на прогулку. Многие оставили своих домашних питомцев (котов, собак, хомячков) дома, предварительно оставив им воды и еды на несколько дней. Эвакуацией занимались участковые милиционеры Припятского отдела, сотрудники ОВД Киевской области, города Киева и сотрудники Киевской высшей школы милиции, а также представители горисполкома. Остальные сотрудники милиции Припяти занимались охраной общественного порядка в городе и районе АЭС. Город опустел. Осталась лишь милиция и дежурные службы ЖКО (электрики и сантехники). Я не знал (как и все

мои коллеги), когда и куда уезжали наши родные и друзья. Мы занимались работой, которая была нам поручена. В подразделениях охраны насчитывалось 17 аттестованных сотрудников и почти 220 человек вольного состава (сторожа и электромонтеры). В наши обязанности входила охрана всех государственных объектов и личного имущества граждан (согласно договоров). Во время эвакуации мне поступило указание отправить всех служебных собак (девять немецких овчарок) в Чернобыль. Старшины милиции Киричук В. П. и Федосенко А. И. отлично справились с этим заданием. Но всё это оказалось напрасным, потому что в Чернобыле дозиметристы не смогли смыть с них радионуклиды. Собак пришлось пристрелить... 30 апреля сотрудников припятской милиции отпустили на три дня найти свои семьи. И вот 1 мая я наконец-то увидел свою жену Евгению и четырехлетнюю дочь Марину, они оказались на Вольни, у родственников жены. А уже 3 мая сотрудники припятской милиции собрались в Чернобыль. Но в этот день началась эвакуация Чернобыльского района, и мы уже никому не были нужны. Тем более, что с 1 мая город Припять охраняли уже внутренние войска МВД. 4 мая возле села Сукачи Иванковского района мы прошли ПУСО. Нас раздели, вымыли, одежду нашу закопали, выдали "безразмерные" трусы и майки, одели в робу и отправили ночевать в какой-то лагерь отдыха возле Иванкова. Ночевали мы на голых матрасах, питались чем придется. Утром 5 мая всех сотрудников милиции Припяти (кроме руководителей) отправили в Киев, в госпиталь МВД. Мы приехали в ГОВД города Припять, забрали оружие, документацию (включая уголовные дела). Всё это мы потом завезли в Иванковский РОВД. Я заехал к себе домой переодеться. Когда нас везли в Киев, в госпиталь, в поселке Бородинка на почте я отправил жене телеграмму: «Все нормально, лежу в госпитале МВД». Где-то через неделю пришло письмо с адресом: "Киев. Госпиталь МВД. Припятский ГОВД. Москаленко А. Т.". После нашего приезда в госпиталь (который сразу опустел от других больных, потому что на территории сильно увеличился радиационный фон) врачи сказали, что припятская милиция 5-летие аварии не встретит... Когда мы смотрели по телевизору, как химвойска отмывают наш город, то были уверены, что осенью люди вернутся домой и дети пойдут в школу. После госпиталя (был такой девиз — «Малой кровью») нас отправили нести службу в Припять, а также контролировать и охранять выселенные села на запад от города до КПП села Диброва. Мы хорошо знали эти места. Тем более у нас не было ни жилья, ни семьи. Нам предоставили двухэтажную школу села Луговики возле пгт Полесское. Пока мы лежали в лечебных заведениях, Советом Министров Украины было принято решение о строительстве вокруг города Припять заграждения пограничной системы «Скала». В это же время появилось постановление Совмина Украины о компенсации эвакуированным из зоны отчуждения за утраченное имущество. Только тогда мы поняли, что жители Припяти уже никогда не вернутся в свой город. И вот тогда наши коллеги Евтушенко Валерий, Базильчук Николай, Скопич Николай сочинили слова, которые потом превратились в песню:

«Все мы тебя очень сильно любили,
Как первенца крепкого, наша ЧАЭС,
Ты город красивый нам всем подарила,
Немало узнали в нём мы чудес.
Но 26-го чуть дальше за полночь,
Случилось такое, что страшно сказать:
Взорвался реактор четвертого блока,

И город родной надо срочно спасать.

Сержант, здесь твой пост,
Будь предельно спокоен,

Ребёнка возьми, помоги той жене,

Чей муж по колено в кипящем гудроне,

Брандспойт еле держит в смертельном огне!

Мы вывезли всех, и шофер, и сержанты,

Никто не скулил, честно вынес свой крест,

Нальём по одной — за героев пожарных,

За город родной и за сказочный лес.

Стряхну я с погон этот стронций смертельный,

Скажу я тебе, дорогая моя:

Начнём всё сначала, как с первого вдоха,

Как с первого колышка, Припять моя!»

В связи с тем, что мой начальник Тихий Николай Антонович находился на лечении, меня назначили и.о. начальника Припятского отдела охраны. Каждые две недели изо всех областей Украины в командировку в наше подразделение присылали по 25 аттестованных сотрудников и 36 электромонтеров. Все входные двери подъездов и первые этажи оборудовали сигнализацией. Каждый день я отчитывался МВД о проделанной работе. Через 14 дней приезжали новые командировочные, а отъезжающим в карточках дозиметрической нагрузки в УВД писали по 25 бэр за время пребывания в зоне и отправляли домой. Припятским сотрудникам милиции не сообщали, какую дозу радиации они получили. Еще 26 апреля, где-то в обед, нам привезли из Киева и раздали дозиметрические накопители (так называемые "карандаши") со шкалой до 50 бэр. Вечером их проверили у нас и забрали, потому что показали явно зашкаливали за 50 бэр. А нам объяснили, что эти накопители неисправны...

В начале июля я встретил в зоне своего среднего брата Сергея и мужа сестры Геннадия Дарду, которые приехали с Запорожской АЭС охранять Чернобыльскую (в данное время оба они — инвалиды). Кроме охраны всего города, пришлось заниматься еще и изъятием денежных средств и документации (в основном, финансовой) всех госпредприятий города и организаций вокруг ЧАЭС. С 20 июля жителям Припяти было разрешено (при наличии документов и ключей) посетить свои квартиры, чтобы забрать документы, фотографии и ценные вещи (кроме мехов и радиоаппаратуры). Они заходили в ГОВД, где в бывшей дежурной части располагался пульт централизованной охраны, предъявляли документы. Им предоставлялся сопровождающий сотрудник милиции, снимался из-под охраны подъезд, куда они направлялись. Вещей жителям города разрешалось вывозить не больше специального целлофанного мешка. Я же попал в свою квартиру 2 июля, не хотелось даже заходить, так тяжело было на душе. До аварии я увлекался кактусами, у нас их было 26 разновидностей. Зашел я в квартиру, а они все цветут. Все! А еще у нас был аквариум, в котором улитки уже доедали сдохших рыбок... Как-то стало не по себе. И до сих пор жена не переносит кактусов, хотя очень любит цветы. При посещении города Припять и соседних сел было ощущение, что чего-то тут не хватает. Летали голуби, аисты, а вот воробьев не было! Чувствуют, наверное... До сих пор в Зоне отчуждения, где люди не живут, нет и воробьев. В водоемах возле сел плавали домашние утки и гуси, в очень большом количестве. Очень часто встречался бесхозный домашний скот. 8 августа в дежурную часть Припятского ГОВД (село Луговики) позвонил начальник УВО Киевской области Зозуля Георгий Степанович и приказал мне с оставшимися припятскими сотрудниками (многие уже уехали на новые места жительства) прибыть в Киев. Поселил нас сначала в гостинице при питомнике собаководства в городе Вишневое. Наше маленькое подразделение состояло из четырех человек, нам в управлении выделили кабинет, справочник (с грифом «Секретно») с номерами телефонов начальников и их замов УВД всех регионов Советского Союза. Кури-

ровал нас начальник отдела службы УВО Люсиченко В. П. (впоследствии преподаватель КВШ милиции). Мы занимались розыском гражданско-го персонала припятской и чернобыльской охраны (400 человек), которым не было информации, получили ли они жилье и работу по новому месту жительства. Если мы не находили ответов, то приходилось выезжать на место их дислокации для решения этих вопросов (т.к. было соответствующее решение КМ СССР). В начале октября 1986 года я был назначен старшим инспектором в Киево-Святошинский отдел охраны. Но не успел приступить к своим обязанностям, как меня положили во Всесоюзный научный центр радиационной медицины (ВНЦРМ) (город Киев) на улице Мельникова, 53. Мы были первыми пациентами этого заведения. Всего семь человек (пожарные и милиционеры Припяти) на пятиэтажное здание! Хорошо, что к этому времени моей семье уже дали малосемейку в общежитии ОМОНа города Вишневое. А 9 ноября 1986 года ВНЦРМ посетил замминистра внутренних дел Украины Дурдинец В. В. Когда он узнал, что моя семья еще не получила жилье, то очень удивился (все эвакуированные ДОЛЖНЫ БЫЛИ получить жилье до 1 октября 1986 года). В. В. Дурдинец спросил меня, где я хочу жить и работать, а услышав ответ, сразу заставил меня написать рапорт, что я хочу жить и работать в строящемся городе Славутич. На следующий день, 10 ноября, приехали из управления и повезли меня в город Ирпень. Когда я увидел этот пятиэтажный новый "барак" с перекошенными окнами и дверями, я заявил, что не буду селиться в этот дом, лучше буду жить в общежитии, пока не получу жилье в Славутиче. Но учтя, что этот вопрос стоит на контроле министерства, я не стал подводить нормальных руководителей — и новоселье мы отметили за несколько дней до нового года (когда меня выписали из больницы). 3 февраля 1987 года меня направили на строительство города Славутич. Сначала я жил на теплоходе «Карелия» в вахтовом поселке Якорь. Через месяц мы с коллегами переселились в "мастер" поселка Лесной. В Славутичский ГОВД приехали 16 сотрудников припятской милиции и 16 — чернобыльской. В декабре 1987 года у нас в семье появилось пополнение — родилась вторая дочь, Инна. В сентябре 1990 года коммунисты вневедомственной охраны (насчитывалось почти 60 аттестованных сотрудников) Славутичского ГОВД в полном составе вышли из рядов КПСС. Это была первая партийная организация в системе МВД Советского Союза, которая в полном составе вышла из рядов КПСС! На следующий день из политуправления МВД приехали на разборки. Так как я был секретарем парторганизации, меня хотели уволить с формулировкой «за подрыв боеготовности коллектива». Но ничего у них не вышло, так как я был депутатом Славутичского совета созыва. Через 11 месяцев (после завершения путча) эти же "правозащитники" уже писали циркуляры о том, что если кто не сдаст партбилеты в трехдневный срок, то будет уволен из органов внутренних дел! С первого января 1994 года я продолжил службу в специальном батальоне милиции (СБМ) по охране Зоны отчуждения ЧАЭС. В СБМ служило почти 300 аттестованных сотрудников и 60 вольнонаемных (электромонтеры). Служил сначала командиром роты, затем замкомандиром батальона. Первого февраля 2001 года мы с комбатом Ворониковым Игорем Викторовичем ушли на пенсию, так как началась реорганизация подразделения.

До 2015 года я работал в Чернобыле сначала инженером, потом заместителем начальника службы оперативного управления и по обеспечению контролю пропускного режима Зоны отчуждения.

Полученная доза радиоактивного облучения (официальная) — 86,79 бэр.